После того, как слова прозвучали, он трижды поклонился и искренне сказал: "Благодарю за милость, оказанную императором Учителем, Чжэнь глубоко признателен. Дело Е Цюаньуна будет немедленно передано в Министерство юстиции для строгого расследования и тщательного рассмотрения. Нельзя уклоняться от ответственности и упускать из виду, преступать закон ради личной выгоды! А Чжэнь напишет Указ о виновности, чтобы использовать его в качестве саморефлексии".

Это дело еще не дошло до издания Указа о виновности, но готовность императора признать свои ошибки и написать документ для самоанализа была величайшим компромиссом и уступкой, к тому же он выразил достаточное уважение к императору-учителю. Таким образом, первый костер Инспекции сгорел яростно, заставив гражданских и военных чиновников задуматься о себе и прийти в трепет.

Старый мастер Гуань и отец Гуань думали, что император более или менее попытается сдержать свой гнев, но когда они присмотрелись, то обнаружили, что он действительно винит себя. В его глазах не было жалобы, вместо этого они были полны искренней признательности. С таким мудрым монархом, как этот, зачем беспокоиться, что королевство Вэй не будет процветать? Оба поспешно опустились на колени и поблагодарили Святую Милость, их глаза покраснели.

Император Шэн Юань немедленно помог людям встать и утешил их несколькими теплыми словами, и напряженная атмосфера сразу же сменилась гармоничным чувством между монархом и министрами. После обсуждения еще нескольких государственных дел было объявлено, что он уходит в отставку. Император оставил отца и сына Гуаня обедать вместе, а остальные отправились в свои кабинеты заниматься своими делами.

Когда он выходил из зала Чэндэ, не говоря уже о гражданских служащих и военных генералах, один за другим выходили поприветствовать старого господина, даже императорский клан с глазами над головой также проявлял уважение. С возгласом "Учитель-император иди медленно" отец и сын прибыли во дворец Вэйян, и их не стали долго ждать, прежде чем провели во внутренний зал. Император Шэн Юань уже переоделся в свою обычную одежду и сидел прямо. Три стола с едой под рукой уже были заставлены дымящимися блюдами, а другой слуга нес тазы с водой, платки и другие предметы. На случай, если двое захотят освежиться, все приготовления были очень тщательными.

"Учитель-император, пожалуйста, присаживайтесь, начальник церемоний, пожалуйста, присаживайтесь". Император Шэн Юань протянул руку, приглашая их, демонстрируя приветливое отношение: "Мы, монархи и министры, гармоничны, нам не нужно соблюдать все виды этикета, относитесь к этому как к собственному дому, как вам угодно".

Старый мастер Гуань и отец Гуань непрерывно говорили, что не смеют, они почтительно поклонились, а затем заняли свои места. Император Шэн Юань первым взял в руки палочки для еды, а затем они вдвоем элегантно поели, вели себя ни скромно, ни высокомерно, со спокойным выражением лица. Такой стиль поведения все больше и больше радовал императора Шэн Юаня.

"Чжэнь только что соприкоснулся с культурой Центральных равнин, поэтому его знания ограничены. Каждый раз, когда Чжэнь видит мемориалы, представленные императором-учителем и начальником церемоний, всегда чувствует себя очарованным почерком железной живописи и серебряных крючков." Он надолго задумался, прежде чем медленно повел разговор.

Старый мастер Гуань был действительно очень честен, он сразу же сказал: "Ваше Величество ложно хвалит, каллиграфия этого министра не очень хороша, она на строчку хуже, чем у моей внучки. Запястье этого министра было ранено раньше, и старая болезнь трудно излечивается, хотя кисть гармонична, но она потеряла свою силу. Моя внучка начала заниматься каллиграфией в три года, а в сочетании с блестящим пониманием и талантом, в юном возрасте она уже достигла чудесного царства выхода за пределы. Не то чтобы этот министр хвастался, просто он указал на великих учёных мира одного за другим, и моя внучка ничуть им не уступает."

"О? Начала заниматься каллиграфией в три года? Что за практика?" Глаза императора Шэн Юаня слегка заблестели, а в голосе появилась хрипотца.

Старый мастер Гуань подумал, что ему интересно заниматься каллиграфией, и подробно объяснил, как он тренировал свою внучку: обвязывал её запястья мешками с песком, постепенно заменяя их железными и свинцовыми блоками и постепенно увеличивая вес; каждое утро читал сто раз, записывал тысячу раз; брал её в путешествия по всему миру, изучал пейзажи и обычаи людей, укреплял тело, уплотнял дух и т.д.

Говорили и говорили, и в голове императора Шэн Юаня возникла яркая картина: как хрупкая маленькая девочка тихо плачет и пишет, неся тяжелый груз, как она читает стихи, качая головой, как она ползает и катается на ветру и песке, как она играет и расцветает под ярким солнцем. Детские черты лица с заплетенными в косу овечьими рогами медленно превратились в волнующее великолепное лицо, которое заставило его сердце сильно забиться, а затем его пронзила острая боль.

Когда он пришел в себя, его мысли было еще труднее успокоить, а улыбка в уголках рта не могла не сойти на нет. Но, в конце концов, эти два человека перед ним были семьей Гуань Суй, и они также были его доверенными лицами. Когда император закончил говорить, он принужденно улыбнулся и сказал: "Может быть, почерк госпожи лучше, чем у начальника церемоний?"

"Его сердце не спокойно, он всегда возмущен, а его слова запятнаны вульгарной пылью. Он даже не так хорош, как я, как он может сравниться с Ийи". Старый мастер Гуань ненавидел, что железо не может стать сталью, но он не мог не пробормотать в своем сердце: Как император может называть Ийи то госпожой, то мадам, как будто он очень хорошо с ней знаком?

Отец Гуань рассмеялся и поклонился, не решаясь заговорить по собственному желанию, чтобы не подвергнуться бомбардировке со стороны собственного отца.

Император Шэн Юань громко рассмеялся, а потом плавно перевел тему на Гуань Суй, так что тот услышал много интересного и неловкого, и боль, только что причиненная ему, постепенно ушла, превратившись в удовлетворение и радость. После трапезы монарх и министры почувствовали, что еще недостаточно повеселились. Очень скоро было уже не рано, у них были свои государственные дела, и они распрощались.

Перед уходом Гуань-отец вдруг сказал: "Осмелюсь спросить, что за благовония горят в зале дворца Вашего Величества? Запах очень своеобразный".

Император Шэн Юань говорил и смеялся, как обычно: "Я не знаю, что горит, я пришел из армии и не очень разбираюсь в этих вещах. Байфу..."

Байфу поспешно сказал: "Просветите императора, просветите господина Гуана, это горит коричная мазь из Юньчжоуской дани. Если господину понравится, этот слуга заставит людей собрать коробку".

Отец Гуань не стал отказываться, взял подарочную коробку и ушел вместе со старым господином. Император Шэн Юань вздохнул с облегчением. Он достал из темного отделения папку с рисовой бумагой, понюхал ее у своего носа и вздохнул: "Хотя аромат этого Ароматного Снежного Моря легкий, он очень стойкий. Даже если его блокировать слоями утвари, все равно бесполезно". Как и у того человека, чем больше ты не смеешь об этом думать, тем больше это проникает в твой разум.

http://tl.rulate.ru/book/67090/2452457